

УДК: 323

DOI: 10.17072/2218-1067-2023-1-49-59

ПОЛИТИЧЕСКАЯ МИФОЛОГИЯ США В РАМКАХ ЮНГИАНСКОЙ МОДЕЛИ КОЛЛЕКТИВНОЙ ДУШИ

Е. В. Булипопова

Булипопова Екатерина Валерьевна, кандидат политических наук, научный сотрудник отдела философии,

Институт философии и права УрО РАН, Россия, Екатеринбург.

E-mail: aerocat@inbox.ru (ORCID: 0000-0002-9941-2798. ResearcherID: rid38085).

Аннотация

Анализируется политическая мифология США, ее основные символы, архетипы и сюжеты в рамках оригинальной методологической модели – так называемой «карты коллективной души», разработанной М. Стайном на основе психоаналитической теории К.Г. Юнга. Автор применяет юнгианскую модель к исследованию политико-мифологического материала, основываясь на объективной общности корней, из которых произрастают как разнообразные социально-политические мифы, так и индивидуальные архетипические содержания. Эта общая почва – пространство коллективного бессознательного, территория специфической массовой психодинамики, где травма порождает комплекс, а комплекс продуцирует миф. Исследование американской политической мифологии с этой точки зрения дает ценный теоретический материал, помогающий понять специфику ментальности, идентичности американцев, а также модели, на которых выстраивается популярный политический дискурс США.

Ключевые слова: коллективное бессознательное; политическая мифология; политическая психология; политическая мифология США; политический миф; юнгианство; архетип.

Проблематика политической мифологии уже многие десятилетия не покидает страницы ведущих отечественных и иностранных журналов, демонстрируя неизбежность как научного интереса к мифу, так и самого мифа. В то же время традиционные – социологический и структурно-антропологический – исследовательские подходы на сегодняшний день выглядят недостаточными для научного освоения такого многослойного предмета исследования, как политический миф. Во время круглого стола, посвященного политической мифологии, доктор философских наук В. А. Луков совершенно справедливо отметил: «Социологи, по существу, не хотят погружаться в глубины массовой психологии, они предоставляют в наше распоряжение только «мнения». Но мы мало знаем о том, какие эмоциональные состояния вызревают в недрах социальной психологии. Между тем надо увидеть миф в его технологии» (Политическая мифология, 2012).

Необходимость введения в научный оборот модели, учитывающей и психологическое измерение мифа, привела автора статьи к идее обратиться к глубинной психологии и экстраполировать теоретико-методологические основы юнгианского психоанализа на область политологических исследований. В данной статье предпринимается попытка применения юнгианской модели под названием «карта коллективной души» к исследованию политической мифологии США. Ценностные основы, проявления и символы американского мифа являются предметом интеллектуального исследования едва ли не с момента зарождения государства. Это удобный и компактный объект исследования, т.к. политико-мифологическая традиция США четко определена хронологическими рамками существования страны. Кроме того, данная традиция изначально хорошо документировалась в памятниках общественно-политической мысли, значимых документах и региональной литературе.

Новизна и научная ценность статьи состоит в принципиально новом для политологии опыте исследования американской политической мифологии как системы в рамках методологической модели, которую психолог Мюррей Стайн назвал «юнговской картой души» (Стайн, 2018). Новая точка зрения на систематизацию архетипического и мифологического материала дает возможность для прогнозирования в рамках логики мифов, узнаваемых в модели. Интеграция ранее исследованных

концептов из области социальных наук (миф, архетип) с областью психологии как внутренней реальности индивида или группы (комплекс, травма) способствует формированию целостной схемы взаимодействия внутреннего мира сообщества (ценностей, представлений, эмоций) и внешнего (символов, ритуалов, деклараций, поведения и т.п.).

Методология исследования

В данной статье политические мифы США исследуются в структуралистском ключе с применением новой для политологии теоретико-методологической модели, заимствованной из сферы глубинного психоанализа, которую автор именует юнгианской картой коллективной души. **Юнгианская (юнговская) карта души** – теоретическая модель, разработанная Мюрреем Стайном на основе трудов К. Г. Юнга. В этой схеме архетипы выступают как топонимы определенных областей коллективного бессознательного и обозначают некоторые зоны сосредоточения психической энергии. Карта души, применяемая, по мнению автора статьи, и к коллективной психике, являет собой «внутренний» ландшафт мира, основу мировоззрения и мировосприятия индивида или группы. Этот «внутренний мир» существует параллельно «внешней» реальности, что совпадает в общих чертах с положениями классического структурализма, но в случае с юнгианством типы внутренних структур уже исследованы, аналитику остается лишь методом амплификации подобрать нужные образы, мифологические мотивы и символы для внешней репрезентации внутреннего бессознательного содержания.

Необходимо дать определения также важным для понимания модели концептам:

Архетип – это область коллективного бессознательного, которая вмещает в самой обобщенной форме всю полноту человеческого опыта: психоэмоциональных состояний, представлений, образов, поведенческих паттернов вплоть до сценариев судьбы, связанных с каким-либо аспектом бытия.

Архетипика – специфический для конкретного человека или сообщества набор архетипических образов и сюжетов.

Понятие архетип, таким образом, соотносится с архетипикой как четко очерченная на карте область – с самой картой. Нам представляется, что концепция архетипики подходит для анализа содержаний глубинного бессознательного у конкретно выделенного объекта (например, политика, партии, сообщества активистов, ситуация, процесс и т.п.).

Психодинамика – процесс взаимоотношения и взаимовлияния различных комплексов и архетипов бессознательного в рамках единого психического пространства (индивидуального или группового).

Комплекс – структура бессознательного, которая состоит из ассоциативных образов и затывших воспоминаний травматических моментов, погребенных в бессознательном материале и труднодоступных для Эго. Эмоции, подобно клею, удерживают в единой сети самые разные образы – личные и обломки коллективных – в едином пространстве комплекса. Ядро комплекса состоит из двух частей – «образа или следа реальной травмы в психическом и близко ассоциированной с ней врожденной (архетипической) части» (Стайн, 2018: 29).

Согласно теории Юнга, архетипическое становится частью комплекса, образованного в результате **травмы**. Если травма носит коллективный характер (война, голод, эпидемия, катастрофа и т.п.), то в таком случае увеличивается вероятность развития коллективной психопатологии, массового психоза или ментальной эпидемии. Комплексы как «двигатели» эволюции, истории, общественно-политического процесса не всегда приводят к войнам или иным иррациональным формам. Скорее, они создают интенцию, эмоциональную напряженность в конфликте интересов и потребностей разных сообществ. И только степень осознанности или бессознательности сообществ в целом определяет градус напряжения и формы, в которые конфликт в итоге выльется. Спасительная роль архетипа и символа, открытая Юнгом в рамках индивидуального психоанализа, может быть вариантом мирной трансформации напряжения в обществе (Юнг, 2010b).

Миф в контексте данной статьи понимается как бессознательный сценарий, нарратив, объединяющий в связный (хотя часто нелогичный в привычном смысле слова) сюжет разные архетипические образы, комплексы, символы.

Н.А. Медушевский отмечает, что политический миф изначально – это статический образ, который существует в обществе, но не нацелен на его трансформацию, а скорее применяется для сохранения формы мышления и поведения людей (Медушевский, 2012: 19). Миф не есть правда или ложь, это искажение (Барт, 2008). Искажающее действие травмы на сознание хорошо известно и описано в психологии. Связка «**травма-комплекс-миф**» помогает раненой психике выжить, соединяет несо-

единимое воедино, не дает сознанию расщепиться окончательно, вытесняя лишь некоторую его часть. Именно комплексы порождают стойкие мифы, и отследить работу этой цепочки можно по обломкам архетипического – символам, метафорам, образам и нарративам, включенным в общий дискурс, политический и не только.

Архетипический уровень коллективного бессознательного – это та среда, из которой рождаются значимые символы и опорные структуры любого мифа. Не так важно, родился этот миф спонтанно или был сконструирован хитроумными идеологами, вопрос приживаемости мифа в коллективном сознании связан напрямую с тем, насколько хорошо интегрированы символы и структуры мифа в общую глубинную структуру психики сообщества. Иными словами, уровень популярности мифа в сообществе, по нашей гипотезе, зависит от того, насколько хорошо логика мифа вписывается в особенности карты коллективной души, которую можно считать исходной системой координат. Возможно, со временем можно будет математически рассчитать некий коэффициент подобия отдельной мифологемы базовой мифологии сообщества, однако на данный момент мы оставляем этот вопрос за рамками статьи и ограничимся специфическим юнгианским способом анализа архетипики.

В рамках данной статьи автор провела исследование в 4 этапа:

Этап 1. Создание базы данных: выделяем «обломки» архетипического (классические мифологические конструкции и образы, символы, метафоры) в политическом дискурсе США. Корпус материала, который стал основой исследования, представлен текстами речей американских политиков и документами, значимыми произведениями американской классической литературы и кинематографа, а также аналитическими работами российских и иностранных исследователей по проблематике политической мифологии США.

Этап 2. Анализ архетипического материала и распределение его по архетипическим «локациям» на карте коллективной души – анализируем принадлежность материала к тому или иному юнгианскому архетипу.

Этап 3. Синтезирование выводов об активности в сфере политической мифологии и идеологии специфического глубинного комплекса, порожденного специфическими травмами сообщества.

Этап 4. Моделирование мифа: прогнозирование естественного развития политической ситуации на основе полученных данных об архетипике и законов глубинной психодинамики.

Анализ основных архетипов

Среди основных классических, неоднократно описанных (Иванова, 2018; Шестаков, 2012) мифов можно выделить следующие: американская мечта; фронтир (движущаяся граница); плавающий котел наций; «американский/новый Адам»; «self-made man»; страна равных возможностей; «we the people»; «Город на холме» как модель для всего мира; история Джона Смита и Покахонтас. Далее мы коротко опишем структурные элементы (архетипы и комплексы), образующие карту коллективной души, и распределим известные мифологемы в пространстве этой модели.

Эго-комплекс в юнгианской традиции понимается как совокупность представлений личности о себе. Комплексом этот элемент психики назван, исходя из соображения, что некое осознающееся «Я» получает первую травму, отделяясь от блаженного бессознательного состояния, от архетипа Самости. Осознающее «Я» не есть нечто постоянное, врожденное, наоборот, этот структурный элемент психики развивается в процессе жизни, обретает новые знания о себе в процессе вывода бессознательного материала из области Тени. Если для личности эго-комплекс – это ответ на вопрос «кто я?», то в пространстве коллективной души, для сообщества его аналогом может стать конструкт, отвечающий на вопрос «кто мы?». Важно также понимать, что эго-комплекс дрейфует в пространстве психического по сложной траектории между полюсами двух архетипов – Персоны и Самости.

В контексте исследования специфической политической культуры и, в частности, мифологии группы, эго-комплекс – это самосознание, это МЫ группы. «Кто мы?» – именно этот вопрос задает Сэмюэль Хантингтон в своей книге, размышляя о сути и вызовах национальной идентичности американцев (Хантингтон, 2004). По мнению Хантингтона, важная особенность американской идентичности – мультинациональность, субнациональность или двунациональность у подавляющего большинства граждан. Рождение американской национальной идентичности в полном объеме, по Хантингтону, произошло после Гражданской войны, а возрождение – после теракта 11 сентября 2001 года. Причины кризиса идентичности до 11 сентября – слишком большое число мигрантов и распад СССР (исчез внешний враг как фактор, стимулирующий национальное самосознание). Хотя Усама бен Ладен на время стал новым внешним врагом, проблема идентичности не решилась, однако у американ-

цев имеются и внутренние основы идентичности, например, такие ценности, как индивидуализм; стремление к личному успеху; постоянное движение, изменение, развитие; потребность в духовном порыве, в большом Вызове, в духовном крестовом походе.

Носители национального самосознания – это прежде всего рефлексизирующее сообщество, интеллигенция, создающие тексты и смыслы: ученые, университетские круги, журналисты, литераторы и т.п. Здесь рождаются не только взгляды на себя, образ себя, но во многом и варианты упрощения и мифологизации этого образа. Далее круг «носителей» национальной политической мифологии расширяется до среднего класса. Самые стойкие (читай, примитивные) мифологемы, как правило, достигают и маргинальных слоев общества. Таким образом, сеть образов и формул особенной политической мифологии покрывает весь социум. И если формула из Конституции США «we the people» – это вневременной символ демократии и «народоцентричности» американской политической мифологии, символ, который использует буквально каждый президент США в значимых речах, то оттенки смысла и наполнение формулы происходит ситуативно и зависит от идеологической принадлежности избранного главы государства¹.

К основным компонентам Эго-комплекса американцев относится и небезызвестный концепт «плавильного котла», к которому мы подробнее обратимся чуть ниже, поскольку его архетипическая основа более соответствует другому архетипу – Трансформации.

Еще один важный образ – «человек, который сам себя сделал». Хотя эта формулировка, по идее, должна звучать богохульственно для честных пуритан-креационистов, однако у американского сознания она не вызывает дискомфорта. Счастье и успех, заработанные собственным трудом, тесно связаны и с идеей американской мечты.

Архетип Персоны – частично осознаваемая социальная маска, роль, функция в обществе. Архетип Персоны – это один из двух полюсов коллективной психики, на противоположном полюсе – область Самости. Напряжение психической энергии, создаваемое движением Эго между областями Персоны и Самости порождает специфическую для мифа психодинамику, создает сильные, сакральные чувства, сопровождающие то или иное действие в бессознательном сценарии. В концепции Юнга Эго-комплекс имеет тенденцию сливаться с архетипом Персоны, и тогда индивид мыслит себя исключительно в категории социальной значимости, статуса, роли, успеха. Для сообществ подобная идентификация, базирующаяся на отделении «своих» от «других», тоже закономерна, при этом другие нередко определяются негативно (см. описание архетипа Тени).

Каков образ США для рядового гражданина? Если коротко и мифологично, то это «лучшее из государств, ориентир для других стран». Концепция «американского Адама» (или «нового Адама») лучше всего характеризует восторг американцев по поводу собственной государственности. Поселенец, героически освоивший целинные земли североамериканского континента и построивший образцово-показательное государство, почти как земля обетованная, только «само-сделанная» (self-made). К слову, и судьба у американского народа особенная – быть моделью для всего человечества, вдохновлять и вести за собой. В столь одухотворенной картине мира факты вроде обитаемости «девственной земли» или самостоятельности мироздания в целом видятся досадными мелочами, не более того. Уникальная слепота американского видения мира и культуры, умение искренне восхищаться тем, что входит в рамки выдуманного мифа, и игнорировать иное, была подмечена самими американцами. Особенно острой иронии подвергался так называемый «южный миф», рожденный в соответствующих штатах богатым воображением богатых плантаторов. Достаточно вспомнить тексты Марка Твена, Фолкнера, Стейнбека, чтобы лучше понять трагические заблуждения американского Юга о самом себе.

Какова роль и образ США в мире? Сами США думают о себе как о лидере мира, о ролевой модели для человечества. Свой реальный имидж как нации во внешнем мире рядовые американцы осознают слабо, как нам представляется, однако это не означает отсутствия рефлексии в этом направлении². Интеллектуалы в США критикуют «поведение» и «образ жизни» США в мировом про-

¹ Biden J.R. (2021) Inaugural Address (Электронный ресурс) URL: <https://www.whitehouse.gov/briefing-room/speeches-remarks/2021/01/20/inaugural-address-by-president-joseph-r-biden-jr/> (дата обращения: 16.10.2022).; The Constitution of the United States (Электронный ресурс) URL: <https://www.archives.gov/founding-docs/constitution> (дата обращения: 16.10.2022).; Trump D. (2017) The Inaugural Address (Электронный ресурс) URL: <https://www.politico.com/story/2017/01/full-text-donald-trump-inauguration-speech-transcript-233907> (дата обращения: 16.10.2022).

² Джефферсон, Т. (1990) 'Декларация независимости', в: Томас Джефферсон. Автобиография. Заметки о штате Виргиния / пер. с англ. В.М. Большакова, Л.: Наука, 315 с.

странстве довольно активно, что говорит о жизнеспособности «коллективной души». Способность рефлексировать, продуцировать критику и воспринимать собственные противоречия как точку роста – важный критерий психологического здоровья не только индивида, но и сообщества.

Тень – область вытесненного, нежелательного, «злого», недопустимого. Тень как внешний враг, точнее, спроецированный на другого образ «неприемлемого себя». Теневые содержания чаще всего проецируются вовне, поскольку эго-комплекс всегда склонен думать о себе как о «хорошем и приличном». Область Тени – это, безусловно, область конфликтов и драмы, пространство игры взаимных проекций, невероятно сложное для осмысления и интеграции. Тем не менее, именно в области Тени кроется и самый значительный энергетический потенциал сообщества, высвобождение которого через открытое или символическое, ритуальное столкновение противоположностей во многом становится двигателем исторического и культурного процесса.

Интересно, что изначальный идеологический враг США, каким его видели и описывали первые поселенцы, особенно пуритане – это не туземец-индеец и тем более не афро- или латиноамериканец, а европеец, закосневший в загнивающей католической традиции. Даже для специфической мифологии американского Юга негры оставались оригинальной частью пейзажа, а не полноценным субъектом, от которого отталкивается Эго в процессе самоидентификации. Другой в мифологии США – это обязательно белый человек с «иными» ценностями. В XX в. «замечательным» Врагом для США стал злобный коммунист из СССР. Отвергающий декларируемые святыни – частную собственность, рынок, индивидуализм и свободу выбора – советский человек воплотил все, что американцы старательно отвергали в себе и что было, тем не менее, очевидным признаком общества потребления: усредненное мышление, коллективные потребности и знаки статуса, пассивное следование лидерам, кумирам, «бегство от свободы», бессознательность, зависть и доносительство и т.п. Необходимо отметить, однако, в целом конструктивные отношения с Тенью в американском обществе, которое остается открытым к сложному диалогу и приятию собственных противоречий.

Анимус/Анима – области мужского/женского в глубинной психике. Тесно связаны с Анимой/Анимусом архетипы Матери и Отца, диссоциированные части которых практически в любой индивидуальной психике формируют соответственно материнский и отцовский комплексы. Тему женственного и мужского в политике не назвать чем-то новым, наоборот, она и востребована, и перспективна для исследования. Если дополнить эту тематическую область юнгианскими концептами архетипа и комплекса, то можно увидеть любопытные акценты. Например, образ Родины-матери, требующей непереносимой жертвы от своих детей, в юнгианстве однозначно понимается как архетипическое проявление деструктивного материнского комплекса, то есть огромный пласт патриотически-выверенной символики априори отходит к области коллективной патологии, а не нормы, как это навязывает традиционное этатистское мировоззрение. Еще одной любопытной сферой применения этих архетипов является вопрос о соотношении мужского и женского в архетипике сообщества, о «мистическом браке» между страной и правителем, землей и царем, народом и властью.

Женское и мужское в пространстве американской политической мифологии – это, например, легенда о Покахонтас и Джоне Смите. Не имеющая под собой реальных оснований, история любви дочери индейского вождя и белого колониста быстро стала популярной. По одной простой причине: Покахонтас выступила в роли туземной Земли, дикой и неосвоенной, которая с радостью и любовью покоряется белому пришельцу. Миф, такой же прочный и востребованный в XVIII в., как и сегодня (Морозова, 2022).

Очевидно соприкосновение мужского архетипа с содержаниями Персоны, с образом культурного Героя. В рамках популярного дискурса можно говорить даже о «срастании» этих структурных единиц, что (в юнгианской психодинамике) порождает усиление теневых тенденций, так как напряжение в системе распределено неравномерно – Эго не путешествует по гибкой траектории по оси Персона-Самость, но как будто приросло к одному из полюсов коллективной психики. В таких ситуациях Тень начинает бурную активность, чтобы привлечь внимание к иному полюсу – к Самости.

Архетип трансформации – это единственный архетип-ситуация в классификации Юнга, он характеризует особые состояния перехода, инициации, транзита. Образ **дороги** на архетипическом уровне связан с трансформацией; он же стал ключевым для американской культуры. О дороге и странниках писали и пишут в США: от детского «Домика в прериях» и романтического бродягизверобоя Фенимора Купера до «На дороге» Джека Керуака и «Земли кочевников». Начиная с архетипа первопроходца, кочевника, путешественника на Запад и концепции вечно движущейся границы

(фронтира) и заканчивая навязчивой идеей демократического транзита во внешнеполитических аспектах Великого Американского Мифа, мы имеем дело не только с метафорами из области психоанализа, но и с живым опытом трансформации, изменений, сложных и полных испытаний перемен. Жизнеспособность американской нации (чем бы она в итоге ни оказалась) заключается, не в последнюю очередь, в способности меняться, в животворящей силе истории о Страннике, Искателе лучшей доли.

Котел с древних времен был символом трансформации, изменения, омоложения (в сказках старый царь умирал в котле с кипящей жидкостью, а молодой претендент на власть выживал). Помимо этого, символика котла включает в себя такие смыслы, как инициация, испытание (Трессидер, 1999: 165). Алхимический котел также является метафорой души, где происходит взаимодействие разных чувств, содержаний и символическое рождение философского камня, Духа. Думать о себе, как о «плавильном котле» наций и народов Америка начала довольно рано; впервые эта метафора прозвучала еще в XVIII в. в «Письмах американского фермера» Де Кревекера¹. Сегодня, когда для американского общества стала очевидна принципиальная «несмешиваемость» разных культур, проживающих на территории США, метафора идентичности изменилась. Популярностью пользуется, например, сравнение американской нации с «миской с салатом», где все «ингредиенты» остаются самими собой, но вместе создают некое оригинальное «блюдо».

Архетип Самости – глубинное ядро психики и одновременно идеальный мир, царство Божие и само Божество, направляющее процесс индивидуализации личности или сообщества. Самость – это органический противовес Эго и Персоны, требующий сброса всех масок и установления вечной правды, пришествия рая как пространства гармонии, мира, справедливости. Очарование Самости, подобно божественному откровению, может очаровать Эго и увести его от внешнего мира, которое по сравнению с блестящим миром неземного выглядит пошлым и бессмысленным. Опасная одержимость сознания архетипом Самости – не редкость как для индивидуальной, так и для групповой психики. Если перенести смыслы Самости в пространство мифологии сообщества, то ее областью могут быть представления об идеальном мироустройстве, иерархии и оси мира, правде, Боге и т.п. А с учетом онтологической оппозиции Эго/Персона – Самость исследование мифологии группы может ответить на немаловажные политические вопросы: «Чего мы хотим от мира?», «Какова для нас правильная структура мироздания?», «Каковы наши базовые ценности и как мы их проявляем во внешнем мире?», «Как мы примиряем на практике высшее духовное благо и материальные потребности сообщества?» и т.п.

Первые поселенцы-пуритане, принесшие в Новый Свет концепцию Провидения и вдохновленные притчами Ветхого Завета, разумеется, оказали влияние и на формирование самобытного политического мифа об особой Миссии и роли США в мире. США уже в первых документах мыслится как модель для всего остального мира, а сами американцы как богоизбранный, уникальный народ.

Самость американцев как пространство высших ценностей сообщества воплощена также в образе «американской мечты». Без преувеличения можно сказать, что вся культура США – от популярной до элитарной, интеллектуальной – пронизана темой погони за мечтой и закономерным разочарованием. При этом Самость в психическом пространстве личности обязана оставаться недостижимой, быть вечной точкой на горизонте и путеводной звездой. Поэтому любое материалистическое представление о «земле обетованной», о богатстве и успехе как ключе к счастью на земле неизбежно приводят человека к жесточайшему разочарованию в жизни, к утрате смысла. Собственно, это и произошло с «американской мечтой» – разочарование. В неумеренной погоне за фантазией, в одержимости архетипом Самости утрачивается мудрость живой жизни, где эго-сознание должно находиться между Персоной и Самостью, но никогда не идентифицироваться с одним из архетипов. Комплекс, выстроенный вокруг Самости, и порожденный особой травмой, порождает, пожалуй, самые труднодоступные для осознающегося разума искажения. А между тем психотерапевтам хорошо известен исцеляющий потенциал несложного действия: разотождествления Эго и Самости. Этот процесс снимает очарованность, помогает понять, что Самость – это частный ориентир, частный путь и частная религия, а не всеобщая духовная магистраль.

¹ Де Кревекер, Э. С.-Дж. Письма американского фермера [Электронный ресурс] URL: <http://www.grinchevskiy.ru/17-18/pisma-amerikanskogo-fermera.php> (дата обращения: 09.12.2022)

Активность глубинных комплексов и базовые травмы

Мифы, какими бы ни были, не только заполняют пробелы в научном, рациональном знании сообщества, но и сигнализируют об активности глубинных комплексов, порожденных коллективной травмой. После анализа архетипического материала юнгианский психоаналитик переходит к этапу формулирования гипотезы о том, какие именно комплексы влияют на образ мыслей и действий клиента, каким образом можно было бы сбалансировать психодинамическую систему, поспособствовать более эффективному распределению энергии в рамках глубинной структуры психики. В применении к анализу национального психодинамического процесса США можно обозначить такие травмы и соответствующие им комплексы, как:

- травма рождения – осознание, возможно, еще смутное, отличия своего сообщества от окружения, среды, других сообществ; отстройка от «другого», формирование сначала образа другого, а затем уже образа своего собственного МЫ. Иными словами, осознание Тени (часто не просто иного, а именно врага) первично по отношению к осознанию собственной Самости, «света» самосознания – переселенцы и Война за независимость;

- травма внутреннего конфликта – крушение мифа, столкновение со сложной реальностью – сопоставима с болезненным процессом сепарации от матери, Питательная среда первичного мифа обо «всем хорошем против всего плохого» разъедается внутренними противоречиями в обществе: экономическим и социальным расслоением, критическим взглядом на реальное МЫ, часто этот реальный образ вопиющим образом противоречит мифологическому. В американской литературе существует огромный корпус материалов, который можно было бы назвать «реквиемом по американской мечте», а отправной точкой для рефлексии стала Гражданская война;

- травма внешнего конфликта. Любое военное столкновение, глобальный экономический кризис (Великая Депрессия), эпидемии – все эти значимые исторические события и процессы травмируют сообщество. Накладываясь на сложный психодинамический рисунок прошлого, новые травмы, с одной стороны, триггеруют старые раны, а с другой, ставят сообщество перед принципиально новыми вызовами, испытывают его на прочность в неожиданных, но до сего момента, относительно «здоровых» тканях коллективной психики, где за неимением выработанных психологических механизмов защиты естественным образом активируются наиболее архаические, примитивные, а вместе с ними поднимается истинно архетипический коллективный опыт в чистом виде. Движение Black Lives Matter на волне пандемического стресса – пример наложения нового вызова на старые травмы.

Если бы речь шла о конкретном человеке, то юнгианский аналитик отметил бы, что такой набор травм сформировал личность, застрявшую в специфических подростковых комплексах. Рассмотрим три основных – отцовский, материнский и комплекс Героя.

Отцовский комплекс значительно влияет на психодинамику коллективной американской души, гендер которой заметно смещен в сторону маскулинного. Отец у мифологического американца только один – Отец Небесный, Бог в ветхозаветном изводе. Отстраненный, требовательный, порой откровенной жестокий. Поскольку в центре американской мифологии стоит ветхозаветный белый мужчина, можно говорить об автоматическом наследовании сообществом всех классических маскулинных мифов. Применяя материалы юнгианства к сфере политической мифологии США, можно отметить, что любой сценарий неуспеха для такого сообщества – это знак божественного (отцовского) недовольства, клеймо вечного неудачника не только в земном измерении, но и в небесном. Это не просто депрессия смертного, это Великая Депрессия народа. Высокие стандарты Господа Бога не считаются чем-то недостижимым, скорее это мерило той самой успешности, легендарный стандарт американской мечты. Нужно ли говорить о том, что сообщество, навязавшее себе добровольно такие стандарты качества, обречено стать обществом невротиков, уповающих на антидепрессанты?

Материнский комплекс элегантно дополняет невротическую конструкцию. Образа матери как такового в американской мифологии нет, он все еще остается неосознанным, дремлет где-то в глубинах коллективного бессознательного. Учитывая специфическую Тень нашего коллективного Героя, можно предположить, что архетипической матерью американцев является Европа, однако вопрос этот открыт для дискуссии. У мужчин теневой материнский комплекс выражается в основном двумя сценариями: гомосексуализмом (избеганием женщин) и, наоборот, мачизмом в сочетании с гомофобией, потребительским отношением к женскому, стремлением унижить всех, кто не мачо. Достаточно сравнить два популярных тренда – боевики 1990-х гг. и современную «новую этику» в отношении ЛГБТ+ сообществ, чтобы нащупать большую тему американского мифа – тему непроявленной, пугающей хтонической женственности.

Комплекс Героя также применим и к анализу национальной идентичности. Комплекс Героя включает в себя такие составляющие, как подростковый бунт и идеализм, трансформацию через столкновение с Тенью, непреходящий успех – и смерть. Именно в подростковом возрасте, в активной фазе становления личности человек предпринимает сверхчеловеческое усилие, чтобы вырваться из родительской семьи, уйти в самостоятельную жизнь. Архетип Героя можно было бы назвать крайне узкой, специфической функцией психики, которая вместе со своим черно-белым видением мира должна покинуть пространство души сразу же после выполнения Миссии. Человек и общество ненормальны, пока ими руководит Герой.

Осознан ли этот комплекс самими американцами? Возможно ли это вообще в образах «нового Адама» или «self-made man»? Скорее всего, нет. Быть Героем и быть одержимым образом Героя – это разные состояния. Ориентация «само-деланного» общества на непреходящий успех порождает страх перед поражением, отвращение перед таким образом/ролью, как неудачник, лузер. Но по сравнению с успешным человеком/обществом, просто нормальный, средний – уже в некоторой степени – лузер. Это разочаровывает, исподволь порождает в сообществе носителей национального самосознания рационализированное ворчание, критику «потребителя», злую иронию над средним человеком и одновременно нереалистичные требования к обывателю.

Еще одна проблема «нового Адама» в том, что его самореализация требует чистой, девственной земли. Его реальная архетипическая Тень – это захватчик, каким любой переселенец и становится, не ведая меры в мессианском героизме. Если девственной земли не находится, то неумеренному (читай, бессознательному) Адаму проще выжечь и разрушить, построить новое на пепелище, чем решить накопившиеся проблемы. По сути бегство первых поселенцев в Новый Свет было также бегством от проблем и сложностей Старого Света. И Адам все еще бежит, демонстративно приветствуя «вызовы и возможности» будущего, но избегая остановок, рефлексий и решения наболевших проблем, которые тянутся за ним из прошлого подобно бесконечному каравану первых переселенцев, идущему на заветный Запад. Единственным прибежищем иллюзий, где возможно еще осуществление идеи фронта, продвижения к новым границам, осталась внешняя политика, где США на официальном уровне поддерживают ветхозаветный дискурс о борьбе против мирового зла и заодно служат примером для других стран, по преимуществу, в вопросах неограниченного насилия, применения практики двойных стандартов и пренебрежительного отношения к суверенитету более слабых государств. Герой как функция просвещения, окультуривания, «оплодотворения» дикости цивилизацией должен в итоге умереть, иначе создаваемый им мир не сможет жить спокойно. Если не умрет Герой, то умрет мир. Тематика Апокалипсиса и Судного дня невероятно актуальна для американского мифа, это неизменный крайний предел инфантильных мечтаний о Рае, обустроенном по собственному хотению: если не будет по-моему, то не будет никак.

К Адаму есть вопросы и в плане трансформации: почему она всегда внешняя, но не внутренняя? По своему типу Адам относится к сформированному, статичному персонажу, который не претерпевает внутренней эволюции. Если реальный Герой переходит от квеста к квесту, от вызова к вызову, то мифологическая траектория Адама сводится к неудачной женитьбе и изгнанию со старого места жительства. То есть основная претензия к этому образу в том, что он... изначально не Герой. Итог получается занятный: комплекс Героя есть, а образа, символа, в котором он мог бы быть осмыслен, нет.

Моделирование американского политического мифа

Переходя к этапу моделирования сценариев на основе мифологических тенденций, отметим важные интегральные черты американского политического мифа.

1. Мифология, которую можно зафиксировать в актуальном дискурсе власти, все еще принадлежит наследию белого переселенца, причем мужчины. «Новый Адам» как будто бы не заметил, что помимо его ценностей и нарративов, вокруг сформировался целый конгломерат весьма запутанных, пестрых и противоречивых мифологий *иных* сообществ – афроамериканских, латиноамериканских, индейских, феминистских и т.п.

2. Мифология США изначально была неоднородной, региональной – на Севере родились и окрепли одни мифы, на Юге – другие. Опыт столкновения мировоззрений, мнений о себе и травма Гражданской войны по сей день остаются предметами болезненной рефлексии, философского поиска новых опор и драматического оплакивания наивной американской мечты.

3. Видимой «Тенью» для американского мифологического Героя все еще является белый человек из Европы. Европа, Старый Свет остаются объектом пассивной агрессии со стороны США, поскольку все внешнеполитические авантюры в конечном итоге опосредованно, но серьезно сказываются именно на этом регионе: потоки мигрантов, вызванные войнами на Ближнем Востоке, санкционные действия против РФ после 2014 г., ультраконсервативные тенденции (например, запрет аборт), противоречащие установившимся в Европе идеалам гуманизма.

Диалог общества с Тенью, реальной своей, а не назначенной внешней, мог бы стать эффективным способом коллективной психотерапии, путем работы с травмирующим материалом прошлого. Осознать теневое – значит в первую очередь, ответить на вопрос, какие МЫ сейчас? Именно из ответа на этот вопрос будут следовать и логики развития мифа. Что будет с конструкциями вроде «миски с салатом» и насколько вообще эти метафоры способны вести за собой – большой вопрос. Идея трансформации при всей своей наивности остается привлекательной, а символика плавильного котла – достаточно «волшебной», чтобы захватывать сознание. Причем, за пределами США этот образ выглядит максимально достоверно и привлекает в страну новые потоки иммигрантов, которые приедут, разочаруются и начнут выстраивать гибридные идентичности в рамках своей системы ценностей и мифов. Этот неостановимый процесс будет размывать традиционную мифологию изнутри – и парадоксальным образом укреплять ее для тех, кто еще не разочарован истинным положением дел. Те сообщества, что живут за пределами США и воспринимают американские сказки о себе за чистую монету, невольно станут опорами американского мифа – и понесут его дальше, в будущее.

Приглядимся к специфике старых мифологических траекторий и поищем аналогию этому процессу методом амплификации. В Ветхом Завете описан еще один праотец, чья мифологическая траектория включает и дорогу, и трансформацию, и культурное лидерство. Речь идет о Моисее, образ которого мог бы помочь «похоронить» Героя с почестями. Среди архетипов, изначально выделенных Юнгом, был Логос, разновидность Анимуса, персонифицирующий Мудрого Старца, Учителя, Дух в его путеводной и просвещающей роли. Внутренний закон, совесть или интуитивный разум, ведущий к Самости через пространство Тени – вот назначение Логоса.

Миссия Моисея – не только вести за собой «свой народ», но и трансформировать народ в процессе. Отрыв от старого мира (в мифе – от рабовладельческого Египта) и сорокалетний карантин в пустыне как бы обосновывают в том числе и исключительность – сначала евреев, а затем и американцев, у которых вместо временного карантина – океан, пространственная дистанция. По мифу Моисей не дошел до земли обетованной. Учитывая нарастающее давление на базовый миф изнутри американского общества, тенденцию к размыванию «мифологии белого переселенца» частными мифологиями этнических, расовых, гендерных сообществ, можно предположить, что инерция мифа о Герое переживет носителя.

* * *

Основные американские мифы в данной работе распределены по областям архетипов и проанализированы методом глубинной психоаналитики. Определены и описаны специфические для США коллективные травмы и порожденные ими комплексы: материнский, отцовский и комплекс Героя. Таким образом, юнгианская карта коллективной души продемонстрировала себя как эффективный инструмент для классификации и анализа архетипического и мифологического материала. Используемая модель дает неожиданные и точные метафоры, символы, которые помогают моделировать сценарии развития мифа. Яркий пример – образ Моисея, не столь ярко проявленный в американской мифологии, как образ «Нового Адама», однако имеющий потенциал в качестве трансформирующего символа для преодоления последствий травм. Образ, определенный методом амплификации после анализа архетипики и психодинамики американской политической мифологии, является, пожалуй, наиболее ценным научным знанием, поскольку имеет практическое применение в процессе, который однажды мог бы получить название коллективной психотерапии.

Список литературы / References

- Барт, Р. (2008) *Мифологии*. Москва: Академический проект. [Barthes, R. (2008) *Mythologies* [Mifologii]. Moscow: Akademicheskij proekt. (In Russ.)].
- Иванова, С. В. (2018) 'Мифологемы американского политического медиадискурса эпохи Д. Трампа (типологический аспект)', *Вестник ВГУ, Серия: лингвистика и межкультурная коммуникация*, 1, сс. 54–59. [Ivanova, S. (2018) 'Mythologemes of the American political media discourse of the D. Trump era (typological aspect)' [Mifologemy amerikanskogo politicheskogo mediadiskursa jepohi D. Trampa (tipologicheskij aspekt)], *Bulletin of the VSU, Series: linguistics and intercultural communication*, 1, pp. 54–59. (In Russ.)].
- Медушевский, Н. А. (2019) 'Политическая мифология и политика памяти: диалог систем', *Теории и проблемы политических исследований*, 8(3А), сс. 15–22 [Medushevsky, N. A. (2019) 'Political Mythology and the Politics of Memory: A Dialogue of Systems' [Politicheskaja mifologija i politika pamjati: dialog sistem], *Theories and Issues in Political Research*, 8(3A), pp. 15–22. (In Russ.)].
- Морозова, И. (2022) *Приключения американской мечты. История литературы США* (курс лекций) [электронное издание]. URL: <https://magisteria.ru/literature-of-the-usa/literature-of-american-colonies> (дата обращения: 09.12.2022). [Morozova, I. (2022) *Adventures of the American Dream. History of US Literature* (course of lectures) [Prikljuchenija amerikanskoj mechtu. Istorija literatury SShA (kurs lekcij)] [online]. Available at: <https://magisteria.ru/literature-of-the-usa/literature-of-american-colonies> (Accessed: 9th of December 2022)]. (In Russ.)].
- 'Политическая мифология: рубрика «круглый стол»' (2012), *Вестник аналитики*, 2(48), сс. 89–112. ['Political mythology: round table column' (2012) [Politicheskaja mifologija: rubrika «kruglyj stol»], *Bulletin of Analytics*, 2(48), pp. 89–112. (In Russ.)].
- Стайн, М. (2018) *Юнговская карта души. Введение в аналитическую психологию*, Москва: Когито-Центр [Stein, M. (2018) *Jung's map of the soul. Introduction to analytical psychology* [Jungovskaja karta dushi. Vvedenie v analiticheskiju psihologiju]. Moscow: Kogito-Center. (In Russ.)].
- Трессидер, Дж. (1999) *Словарь символов*. Москва. [Tressider, J. (1999) *Symbol Dictionary* [Slovar' simvolov]. Moscow. (In Russ.)].
- Хантингтон, С. (2004) *Кто мы? Вызовы американской национальной идентичности*. Москва: ООО «Издательство АСТ». [Huntington, S. (2004) *Who are we? Challenges of American National Identity* [Kto my? Vyzovy amerikanskoj nacional'noj identichnosti]. Moscow: AST Publishing Company. (In Russ.)].
- Шестаков, В. П. (2012) 'Американская культура: в поисках национальной идентичности', *Культурологический журнал*, 4(10) [электронное издание]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/amerikanskaya-kultura-v-poiskah-natsionalnoy-identichnosti-chast-2> (дата обращения: 09.12.2022). [Shestakov, V. P. (2012) 'American culture: in search of national identity' [Amerikanskaja kul'tura: v poiskah nacional'noj identichnosti], *Cultural Journal*, 4(10) [electronic edition]. Available: <https://cyberleninka.ru/article/n/amerikanskaya-kultura-v-poiskah-natsionalnoy-identichnosti-chast-2> (Accessed 9 December 2022)]. (In Russ.)].
- Юнг, К. Г. (2010а) *Психология бессознательного*. Москва: Когито-Центр. [Jung, K. G. (2010a) *Psychology of the Unconscious* [Psihologija bessoznatel'nogo]. Moscow: Kogito-Center. (In Russ.)].
- Юнг, К. Г. (2010б) *Символическая жизнь*. Москва: Когито-Центр. [Jung, K. G. (2010b) *Symbolic Life* [Simvolicheskaja zhizn']. Moscow: Kogito-Center. (In Russ.)].

Статья поступила в редакцию: 05.11.2022

Статья принята к печати: 15.01.2023

US POLITICAL MYTHOLOGY WITHIN JUNGIAN MODEL OF THE COLLECTIVE SOUL

E. V. Bulipopova

E. V. Bulipopova, Candidate in Political Science, Fellow at the Department of Philosophy, Institute of Philosophy and Law, Ural Branch of RAS, Yekaterinburg, Russia.
E-mail: aerocat@inbox.ru (ORCID: 0000-0002-9941-2798. ResearcherID: rid38085).

Abstract

In this article, the US political mythology, its main symbols, archetypes and plots are analyzed within the framework of the original methodological model - the so-called "map of the collective soul", developed by M. Stein on the basis of the psychoanalytic theory of K.G. Jung. The author applies the Jungian model to the study of political and mythological material, based on the objective commonality of the roots from which both various socio-political myths and individual archetypal contents grow. This common ground is the space of the collective unconscious, the territory of a specific mass psychodynamics, where trauma gives rise to a complex, and a complex produces a myth. The study of American political mythology from this point of view provides valuable theoretical material that helps to understand the specifics of the mentality and identity of Americans, as well as the models on which the popular US political discourse is built.

Keywords: collective unconscious; political mythology; political psychology; US political mythology; political myth; Jungianism; archetype.